

Воскресный день начался в суматохе и долгих сборах.

– Ты готова? – громко поинтересовался из кухни Сергей у Дины, появившейся в прихожей.

– Угу... – отозвалась та.

Весна была запоздалой, промозглой: апрельское ненастье угнетало, и раздражали бесконечные дожди... Одно радовало, что машин на столичных улицах мало.

...Быстро миновав Центр, они неслись по Ярославке, и, чем дальше оставалась Москва, тем свободнее становилось шоссе, растворившееся в мокрой дали. Вдоль скучной и длинной дороги проносились голые деревья, до дрожи исполосованные порывистыми ветрами.

Дорога совсем обезлюдела, и их «жигулёнок» одиноко катил по Ярославке всё дальше вперёд, где ничего не менялось ни в картинке, ни в настроении. Дождь, плотно затуманив влажной пылью мир, лил и лил, и без устали монотонно щёлкали, бегая туда-сюда по широкому стеклу, «дворники».

Продолжал одичало метаться за окнами ветер-сквозняк и, всколыхнув волглый туман, рванул врзлёт, и тут же сквозь дождевую хмарь увиделся у бровки дороги высокий, в длинной хламиде до пят старик. Держа спину прямо, он стоял на отлёте и зорко смотрел в их сторону.

– Куда он прёт?! – обомлев, дико закричал Сергей, а жена судорожной рукой уцепилась за него.

Старик с широко раскинутыми руками внезапно бросился им навстречу и через миг плашмя упал на капот. Березин резко повернул руль, и стреноженное авто, взвизгнув колёсами по сырому асфальту, откатилось к обочине. Откатилось вместе со стариком, выбросившим клешнятые ладони поверх мокрого железа.

В Березине всё клокотало и бурлило. Мгновенная злоба подхлестывала: Сергей резко открыл дверцу, выскочил. Старика на капоте не было.

– Его нет... пропал... – дрожащим голосом подсказала Дина, появившаяся около мужа.

– Ну, дед... – Сергей был неприятно ошеломлён.

Заглянул под машину. Огляделся. Нет нигде и не видно. На обочине – голое место с чернеющей, размытой дождём почвой. Не мог же тот за секунду скрыться в лесу, угрожающей стеной вытянувшимся вдоль трассы? Непостижимо...

Явление старика длилось доли секунд, но Березин отлично запомнил и костлявое, заострившееся лицо безумца; и спутанную, в тон длинных, матово-серебряных волос, бороду; и долгий-долгий взгляд – глаза в глаза; и большой крест на груди...

– Промокнешь... – Сергей торопливо открыл дверцу, чтобы посадить в машину беременную жену, – но отвлёк нарастающий звук...

Тревожный свистящий звук надвигался стремительно, и вот из-под взгорья, куда проваливалось

шоссе, появился летящий на предельной скорости тяжёлый «мерседес». Следом, взвизгивая мокрой резиной, вылетел второй. Поднимая столбы водяной пыли, оба бешено пронесли мимо.

Чёрные, грозно блестящие от воды автомобили, приковавшие взгляд, оглушительно всколыхнули волпый воздух и один за другим помчались по пустому шоссе в сторону Москвы. Пропали за пеленой дождя так же, как и появились, мгновенно...

Когда окончательно осела влажная взвесь, пришло осознание того, что неслись оба «мерседеса» по встречке... и, не стой их машина у обочины... Сергей и Дина, боясь и помыслить о том, что могло бы случиться, оцепенели...

Длинный прогон проехали в напряжённом молчании, переживая мистический смысл случившейся странной встречи. Мираж?.. Однако, подбираясь с периферии потрясённого сознания, оголённая мысль о том, что явление старика с крестом на груди – реальность, была ясной и единственно верной.

Через узкое зеркальце зацепился взглядом за побледневшую Дину, и его, понявшего причину взволнованности жены, впервые забеременевшей только к тридцати годам, до озноба прошиб, перекатывая под онемевшим сердцем, страх за будущего ребёнка...

– Тебе плохо? – спросил Сергей, приглушая бег автомобиля.

– Нет-нет, дорогой... Всё нормально!.. – прошептала жена. Добавила: – Кажется, дождь прекратился...

И точно: прекратился.

По небу ходко плыли, подгоняемые быстрыми влажными ветрами, серо-жемчужные облака, а в вышине, где образовалась широкая синяя прорубь, появились птицы и, загребая плотный воздух крыльями, вольно носились по очистившемуся от мзги простору.

Просветлело.

Прояснились дали, где покоем дышали мокрые поля и щетинистые перелески перемежались с осторожно зеленеющими взгорьями.

Сергей медленно подкатил к обочине. Остановил машину. Вышел наружу. Тщательно протёр стекла от мокрой капли и грязных пятен. Неожиданно зацепился взглядом за указатель «На Загорск». Мимходом отметил про себя, что городу успели вернуть старое название, а указатель всё ещё не поменяли.

Сев за руль, Березин поймал себя на мысли, что непонятое чувство не просто встревожило, а настойчиво подталкивает к неожиданному действию, – и, хотя конечная цель поездки была иной, он вырулил по указателю.

Дина, расслабившись до лёгкой дрёмы, не заметила, как «жигулёнок» свернул с прямой трассы, а когда панорамно увиделись монастырские стены и до слуха донёлся звон колокола, с недоумением посмотрела на мужа.

– Загорск... Сергиев Посад... – произнёс, наконец, Березин и остановил машину вблизи монастыря, в распахнутые ворота которого встречными потоками тянулись люди.

– Я зайду... – негромко сказал Сергей, испытывая перед женой-татаркой некоторую растерянность. – Я скоро... Ты в машине посиди...

– Я с тобой... – живо отозвалась на то Дина.

В ворота входили под густое гудение колокола, а когда, пройдя под надвратной церковью, вышли, стояла уже тишина.

В Лавре Березин был только в детстве. Лет шести. С бабушкой Нюсей. Поездка из памяти с годами выпала, однако сейчас он уверенно шагал вперёд, хотя совершенно не мог до конца понять, что могло так разбередить душу, рвавшуюся сквозь рёберную клетку.

Необъяснимым было и возникшее чувство непонятной потери: чего? кого? И только чей-то смутный образ становился более чётким и осязаемым. Образ возник из детства, когда бабушка Нюся, стоя у раки преподобного Сергия, наставительно говорила внуку:

– Запомни, Серёженька, что имя дадено тебе не просто так... В честь преподобного оно... И прадед твой это имя носил... Преподобного всю жизнь чтил, и ты, Серёженька, не забывай его...

И вот, приближаясь к Троицкому храму, Березин боялся сознаться себе, что лелеет дерзновенную надежду о том, что тем стариком сам преподобный и был...

Окунулись в полумрак древнего храма, где было тихо-тихо, лишь монотонно звучал речитатив монаха, стражем стоявшего в изголовье раки.

Березин встал в очередь, благоговейной вереницей текущей к мощам преподобного Сергия. Дина рядом. Осторожно поставил её впереди себя, и сам, не чуя ног, медленно двигался за женой. Вот она ступила на первую ступеньку... вот робко шагнула вдоль Царских врат... вот подошла к раке... И, следуя всему тому, что внимательно выглядела со стороны, Дина сделала поясной поклон и, прижав разлохмаченные волосы рукой, низко склонила простоволосую голову над ракой... Сергей видел, как, шагнув в сторону, жена неловко, но перекрестилась...

И повторилось забытое чувство радостной тихости на душе, как в детстве. Упал на колени. Перекрестился. Поднявшись с колен, со смущением и трепетом приложился к мощам, – и нечто тёплое и ласковое коснулось его сердца. Сергей, подняв голову, глаза в глаза столкнулся со светоносным ликом святого на большой иконе... – и, внимая внутреннему голосу «Не он!..» – растерялся...

Направились к выходу. Невольно Березин задержался перед тёмной иконой Спасителя и припал сухими губами к тёплому стеклу: вдруг вся его жизнь пролетела перед мысленным взором живой картинкой, – и взмолился тогда, зашептал просительно:

– Господи, помоги!.. И прости, Господи... прости...

Небо очистилось, и вешнее высокое солнце торжественно осветило золотые купола монастырских церквей.

Не проронив ни слова, Березины подошли к часовне на площади, где попили из святого источника воду, и направились в сторону ворот. Навстречу шёл высокий монах с большим искрящимся солнечно крестом на груди. Он прошёл мимо, когда Сергей одернул его:

– Простите! Можно вас на минутку!

Слова выскочили непроизвольно, что Сергей и сам растерялся, но монах, задержав шаг, оглянулся, вежливо откликнулся:

– Что угодно?

И тем «что угодно» лишил уверенности, однако, подавив робость, Сергей осмелился заговорить. Только описать то, что произошло с ними на дороге, никак не получалось. Говорил сбивчиво... путано... торопливо...

Всё это раздражало, а тут ещё и монах смотрел так невозмутимо, что, казалось, внимает рассказу Сергея в пол-уха.

– Кто-то сильно молится за вас... – сказал он, явно подводя итог.

– И кто же? – нервно выдал Березин, высказавшись перед тем, что, как думал, помощь пришла от самого преподобного: – Но это был не он!.. Я ошибся...

Монах тихо произнёс: – Душа сама видит истину... подскажет... – Спросил: – Я могу идти?

– Да уж... идите... – недовольно буркнул Березин.

В машине Сергей язвительно передразнил монаха:

– Я могу идти?.. Вежливый какой...

Дина, не проронившая ни слова, тихо-тихо проговорила:

– Какой тёплый свет был от человека...

Сергей пристально посмотрел на жену и, промолчав, вырулил со стоянки. Покидая городок, машина покатила вниз, под горку.

– Ты был тут уже, да? – спросила осторожно Дина, когда миновали последние дома на окраине.

– Один раз... мальчишкой... с бабушкой Нюсей... – охваченный странным чувством возбуждения, ответил не сразу.

– Это которая в Казахстане жила?

– Она... – Сергея удивила осведомлённость жены: потеплело на сердце. – Баба Нюся редко приезжала... В последний раз тогда как раз и была... Мы с ней здесь несколько дней прожили... Это был большой деревянный дом... с высоким крыльцом... Забор помню... Калитку: я её открою-закрою... открою-закрою... а она скрип-скрип... Утром и вечером ходили на службы на монастырь... Мне нравилось... тихо... свечные огоньки светятся... хор звучит... а ещё был старенький-старенький монашек... После службы подходил к нам... гладил меня по голове... и просфоры мягкие давал... Я съем... он мне новую даёт... И всё улыбался и улыбался... – Березин не заметил, как радостно погружился в прошлое, которое, казалось, избыто памятью напрочь. – А потом... они куда-то поехали. Дорога была ужасной. Маленький автобус бросало на ухабах из стороны в сторону.

Наконец, вышли из автобуса и долго-долго шли полем. Затем по сельской улице. Подошли к двухэтажному дому, нижний этаж которого белел кирпичной крашеной кладкой, а верхний был деревянным, с рядом окон, украшенных старыми наличниками.

В дом входили и выходили люди, а бабушка всё молчала. Серёжа стоял рядом, изучая всё, что видел вокруг. Недалеко, на утопающей в грязи площади стоял похожий на огромный куб дом с плоской крышей. В школу он ещё не ходил, но читать умел, – и вот прочитал «СЕЛЬМАГ».

– Это поповский дом? – спросила вдруг бабушка, задержав рукой проходившую мимо женщину.

– Откуда?! – отпрянув, возмутилась та: – И никогда не был!

И заспешила к крыльцу, у которого на скамейке сидела старуха. Она что-то спросила у женщины и, когда та скрылась в подъезде, тяжело поднялась и медленно подошла к ним.

– О чём спрашивашь, а?

– Этот дом не поповский будет? – громко повторила бабушка.

– Ишь, чё вспомнила? – старуха грузно навалилась на толстую клюку. – Э-ээ!.. так то, милая, когда было? Я девчонкой была... – и она вперилась в них подслеповатыми глазами. – И что за интерес такой?

– Просили посмотреть: цел ли? – ответила пунцово вспыхнувшая бабушка.

– Кто и помнить может? – старуха не отступала.

– Девочка одна... которая жила тут... – тихо произнесла бабушка и резко потянула внука за ручку: – Пойдём, Серёженька...

– Девочка, говоришь?.. Все мы девочками были... – бросила старуха вслед, но никто на её слова не оглянулся, и тогда она визгливо крикнула: – Ну чё, увидела? Цел-целёшенек стоит – так своей девочке и скажи!

– Бабуль, пойдём в магазин... – заканючив, внук потянул бабушку в сторону. – Вон стоит...

– Вижу, Серёженька... вижу... – отозвалась она и добавила скороговоркой: – Нельзя туда, Серёженька... Не магазин то... Это храм Божий... Пресвятой Троицы храм... – и бабушка заплакала, чем сильно напугала внука, цепко ухватившегося за её мелко-мелко дрожавшую руку.

Снова шли и шли.

Вначале по длинной сельской улице. Потом, выйдя за околицу, через голое поле (весна ли это была? осень ли? – он не помнил) вышли на трассу, где утомительно долго стояли на остановке, над которой носилось скучное вороньё.

Они с трудом втиснулись в набитый плотно салон появившегося, наконец, пузатенького автобуса.

Автобус дёрнулся и попыхтел, громыхая и дребезжа, по ухабистой, в колдобинах и рытвинах дороге, а Серёжа, стиснутый со всех сторон, стал вдруг задыхаться, хватая открытым ртом спёртый воздух.

– Ребёнку плохо!.. Ребёнку плохо!.. – всполошились вокруг, и чьи-то крепкие руки с усилием пропихнули Серёжу к приоткрытому окну...

Тихим, ясным вечером Березины возвращались в Москву.

Дрожал и плавился в потемневшей небесной купели последний луч исчезающего за горизонтом пунцово-красного солнца.

Угасал день.

Столь странный день... День, как смутный сон, встревоживший сознание...

Удивительный случай тот не забылся, хотя со временем и приглож в деталях. Не раз и не два, вспоминая происшедшее апрельским днём, Сергей пытался постигнуть суть его. И если смысл врезавшейся в память диковинной встречи объяснению не поддавался, то пробудил в нём веру – ту давнюю-давнюю, детскую... Сергей стал заходить в церковь, где, испытывая тайное родство с незнакомыми людьми, в упорном молчании мог простоять когда минутку-две, когда и целый час...

Втихую стала бывать в церкви и Дина, и однажды удивила мужа тем, что высказала пожелание креститься. Их вскоре с годовалым Сергей Сергеевичем и окрестили торжественно.

А лет через десять, благодаря сынишке, пришла отгадка тому странному случаю на дороге.

Ученикам в школе было дано задание: записать родословную и нарисовать генеалогическое древо. Притягательность задания оказалась столь сильной, что и Сергей, и Дина увлеклись. И если жена свою татарскую родню сумела легко перечислить до четвёртого колена, то Сергей, с ходу на-

звон отца-мать и вспомнив московских дедушку-бабушку с их родителями, о родню с материнской стороны споткнулся: кроме бабы Нюси, его память никого больше не подсказала.

Мать радостно встретила родных гостей, но рассказ начала только после того, как накормила и напоила их. Начала скомканно, издали:

– Я ведь далеко не всё знаю... Это сейчас стали интересоваться, кто каких родителей сын-дочь... А раньше интереса такого и не было. Про отца, что? Какие-то смутные намёки, что был да сплыл... Мы всегда, сколько помню, жили втроем: бабушка Поля, мама и я. Я мало что и знала... Всё скрытно... Однажды как-то мама попытается что-то рассказать, но я, честно сознаюсь, особого интереса не проявила... – глубоко-глубоко вздохнула-выдохнула. – Ведь память – та же пуповина... Только, выходит, я её сама и оборвала... В последний приезд мама фотографии привезла. Тогда же открыла, как они в Казахстане оказались. Я всегда думала, что они по призыву приехали целину поднимать... Ну да... приехали... в ссылку только... Баба Поля задолго до войны в тюрьме сидела, а мама, девочкой, жила у каких-то людей в Загорске... То ли родственников, то ли хороших знакомых, – я не поняла. Может, и говорила что, только я мимо ушей пропустила... Сейчас, конечно, жалею, что не узнала подробно, а тогда... – глубокий вздох-выдох. – Тогда, как мегера, набросилась на неё, что внука в Загорск поволокла и что пробыла там с ним неделю целую... Я ж переживала – уехали и как сквозь землю провалились...

– А я хорошо помню ту поездку... – слова сына мать меж тем пропустила.

– Когда бабу Полю в Казахстан сослали перед войной, мама успела уехать к ней, – продолжила мать. – Там и я родилась... А бабу Полю я, грешным делом, боялась... – снова глубоко вздохнула. – Да-а... минувшее оживает – сердцу больно становится... Бояться стала не сразу, а взрослея... Знала, что все дети боялись её... пугали ею... а мне было стыдно, что это моя бабушка... Она была мытницей... мыла покойников... – связывая прошлое с настоящим, мать, повлажнев глазами, потемнела осунувшимся вмиг лицом. – Как ссыльную, её куда на работу не брали, а за мытьё полов она сама не бралась... Так и провожала в последний путь, пока в силах была... Она и Псалтырь читала...

– А почему в ссылке оказалась? – перебил рассказчицу сын.

– Так я ж сказала, что в ссылку её после тюрьмы сослали... – негромко ответила мать.

– А в тюрьму за что? Она не из репрессированных была? – Дина вопросом опередила мужа.

– В тюрьму?... – рассеянно повторила мать. Выдохнула: – В тюрьму её... как попадью... забрали...

– Прадед что, священником был? – пытаюсь то ли угадать, то ли осознать глубинные коды своего бессмертия, осторожно спросил Березин.

– Был... священником... да... – тихим-тихим голосом произнесла мать.

Она извлекла на свет Божий потускневшую от времени плоскую жестяную коробку, плотно перетянутую бельевой резинкой. Открыла и веером выложила на стол с десяток старинных фотографий на толстом картоне. Взяла одну из них. Окинула долгим взглядом. Протянула сыну:

– Это она и есть... баба Поля... Полина Алексеевна... Гимназисткой тут...

Березин несмело принял фото из дрогнувшей руки матери. С фото на него необычайно весёлыми глазами смотрела юная девушка с ямочками на пухлых щёчках и длинной косой, перекинутой через плечо на грудь. Не произнеся ни слова, Сергей бережно передал старый снимок жене, а мать подала следующее фото:

– Это они с дедом... Молоденькие... только-только поженились...

Всё с теми же весёлыми ямочками на щеках, Полина смотрела прямо и уверенно. Сидела в изящном креслице, а рядом стоял муж в длинном сюртуке. Он был под стать жене – высок и красив. Лица их искренне светились счастьем и радостью – оба широко и приветливо улыбались Сергею...

Меж тем маленький Серёжа, наблюдавший молча за взрослыми, не выдержал и сам взял со стола одну из фотографий. Подняв для всеобщего обозора, заинтересовано спросил:

– А это кто?

Обомлев, сердце Березина учащенно забилося: пристальным прямым взором – глаза в глаза – с фото на него смотрел строгий священник, удивительно похожий...

– Серёжа... это он! – осторожно обмирающим голосом выдавила Дина.

* * *

Позднее Березины узнают, что протоиерей Сергей (N-ский), настоятель Троицкого храма в селе, за долгие годы лихолетья окончательно потерявшем прежнее название, был расстрелян...